

О времени, которого не будет

Когда молодой человек приходит в мир театра, балета, посвящает себя искусству, имеет успех, он поначалу немного пьянеет от этого успеха, этого счастья: он чувствует, что все его любят, что на его спектакли ходят, а после спектаклей его встречает множество друзей и поклонников — и закружилась, понеслась веселая, необыкновенно приятная жизнь, наполненная новыми знакомствами и чудесными впечатлениями.

И молодому человеку кажется, что времени у него на все хватит: на работу, на отдых, на развлечения, на эту неповторимую жизнь артиста...

И по молодости своей он просто не способен понять, сколько мишуры в этом блеске...

Сегодня для меня проблема времени стоит трагически: времени не хватает ни на что! Оно ускользает, как вода сквозь пальцы, хотя я свожу до минимума "светскую жизнь", отказываюсь от множества заманчивых приглашений, на которые еще десять — пятнадцать лет назад охотно бы ответил. Зачем я недавно потратил, например, столько времени на Всесоюзном радио, целых полдня, чтобы записать пару своих стихотворений, а затем объявить в эфире следующего выступающего со своим интересным "хобби" — Бориса Штоколова... А через день — телефонный звонок: "О, пожалуйста, извините, Марис Эдуардович, но будьте любезны переписать: после вас будет выступать не Борис Штоколов, а Иван Семенович Козловский, ибо его тенор и его тембр голоса больше подходят по стилю вашим стихам..." О Господи, кому это было нужно?! И зачем только эта пустая трата времени, если после четырех часов работы и бесконечного томления в ожидании записи получилось всего две минуты эфирного времени?

Такие же обидные нелепости очень часто происходят на телевидении и в кино. Не я один это заметил. Помню, в каком раздражении по той же самой причине долго пребывала Майя Плисецкая в период съемок в художественном фильме "Анна Каренина" (не путайте с киноэкранизацией одноименного балета!), где она играла роль Бетси Тверской. Балетные танцовщики умеют ценить время, у них дисциплина, как говорится, "в крови". Я жалею, что мы еще так далеки от той системы, по которой на Западе распределяют рабочее время артисты театра, кино, телевидения. Там свой девиз: "Время — деньги!" Там невыгодно, да и просто невозможно работать медленно, с длительными паузами и постоянными "перекурами"...

Тем не менее я вовсе не анахорет. И никого не призываю фанатично посвящать время только работе. Отказ от всевозможных радостей жизни грозит превратить тебя в человека скупого и черствого. Надо научиться получать удовольствие от всего, что происходит в твоей жизни, — будь это шумный праздник или рабочие будни. Надо почувствовать, что ты сам властвуешь над временем, заставляя время работать на тебя, прислушиваясь к голосу собственного сердца, а не подчиняться безликому сухому расписанию. Надо постоянно испытывать радость от того, что ты живешь в этом свете: что ты дышишь, танцуешь, влюбляешься, ревнуешь, с кем-то расстаешься и сам бываешь покинутым.

Станцева более 4000 спектаклей, я на пальцах одной руки могу сосчитать те, после которых остался доволен собой. Мнения же коллег-танцовщиков, балетмейстеров, критиков, друзей, поклонников часто не совпадают.

Кто виноват в этом несопадении? Конечно, танцовщик. Только танцовщик, ибо он всегда должен находиться в безупречной форме и безошибочно чувствовать время.

Для меня нет трагедии в том, что мне уже не 20 или даже не 30. Я радуюсь молодым лицам танцовщиков, участвующих со мной в одном спектакле. Мне о болезненности и трагично ощущаю **невозвратность** времени, которое ушло влупую. Времени, за которое ты смог бы... Но не сделал!

Вид из окна отеля

И все-таки я должен признаться в одном маленьком грехе, слабости, что ли: меня притягивают и пленяют имена знаменитостей. Правда, очень часто оказывается, что эти знаменитости в повседневной жизни весьма заурядны, но ничего! Зато в них иногда заключена тайна какой-то профессии, какого-то вида искусства, какого-то семейства или целого рода.

Утром, когда я открываю окно в незнакомом отеле незнакомом города, я радуюсь не столько прекрасной панораме и экзотическому виду, сколько предвкушению, что сегодня, возможно, встречу какого-нибудь Человека из Легенды, который покориет меня яркостью своей личности, может быть, даже станет моим другом, а может быть — оставит лишь мимолетный след на страницах моего дневника или фотоальбома. Но не так уж плохо изредка посмотреть на фотографию, где ты снят вместе с Джоном Кеннеди на ступеньках Белого дома...

Галина Уланова

Мне посчастливилось встретиться с Галиной Сергеевной Улановой. Она уже фактически заканчивала свою балетную карьеру, но собралась выступить в спектакле "Жанна д'Арк", который ставил Бурмейстер. Началась совместная работа. Я точно помню — прошло 12 репетиций, которые "заряжали" меня на очень долгое время. Уланова репетировала Жанну, я — Лионелла. Как партнерша она была удивительно внимательной, чуткой, легкой. Легкой не только в буквальном смысле слова, не только в поддержках, но и в умении моментально реагировать на движения партнера, что-то подсказать, помочь.

Мы, молодые, уже тогда относились к ней, как к святыне. С ужасом вспоминаю, как однажды, в самом начале репетиций, пробую высокую поддержку с броском, я нечаянно (а может быть, от волнения — ведь танцую с самой Улановой!) ударил ладонями ей по лицу... Галина Сергеевна встряхнула головой и вдруг сказала: "Ничего, ничего, извините, я что-то не так сделала..." Представляю, какую истерику закатила бы мне в подобном случае какая-нибудь солистка на два ранга ниже Улановой!)

Но, к сожалению, мы так и не станцевали с Улановой премьеры. Галина Сергеевна решила, что ее трактовка образа кардинально отличается от той, которую предложил Бурмейстер. Мне же до сих пор кажется, что причина отказа была в другом — в ее чрезмерной требовательности к самой себе.

Вера Каралли

Вена. Очередное турне. Первая "Жизель". Танцуют Марина Кондратьева и Владимир Тихонов. Из-за того, что я в этот вечер "безработный", мне немножко тоскливо и одиноко. К тому же именно сегодняшний спектакль обещала посмотреть Вера Каралли. Потом, наверное, придет на сцену, поговорит с участниками. Балетная знаменитость начала века, она выступала почти в те же годы, что Анна Павлова и Тамара Карсавина. Любимица московской публики, кинозвезда Великого немого, она очаче...

ДНЕВНИК ЛИЕПЬ

20 ноября в Большом театре пройдет вечер памяти выдающегося танцовщика Мариса Лиепи, приуроченный к его 60-летию. К этому дню издательство "Вагриус" собирается опубликовать книгу Мариса Лиепи "Я хочу танцевать сто лет", впервые вышедшую в Риге в 1981 году на латышском языке (литературная запись и перевод Эрика Тивумса). Теперь эту

книгу, дополненную большим разделом воспоминаний о танцовщике его коллег, друзей и учеников, смогут прочесть и в России. Ниже мы публикуем фрагменты отдельных глав. Заголовки даны редакцией "ВК". Благодарим Екатерину Белову, редактора перевода, за помощь в получении рукописи.

ровывала всех тонкой и таинственной греческой красотой. Я нашел пожелтевшую рецензию, где даже Анна Павлова в "Умиравшем лебеде" названа лишь чайкой по сравнению с лебедем Веры Каралли с ее удивительно пластичными, поэтично-нежными руками-крыльями.

Больше столетия она провела вдали от России. А теперь, на закате дней Вера Каралли оказалась в Австрии.

Спектакль прошел очень хорошо, зрители кричали "браво" и "бис". И тут на сцене появляется седа мина-июрная и очень грациозная женщина: она плачет, взволнованно благодарит солистов и артистов кордебалета, потом накрывает свое меховое манто, прощается со всеми и медленно уходит. Я стою недалеко от выхода, провожаю ее глазами, думаю о ее судьбе, о ее родине... Вдруг Вера Каралли останавливается, поворачивается и смотрит на меня необыкновенно большими, сказочными глазами. Если глаза пожилой женщины сохранили молодой взгляд и мерцающий свет — это всегда производит неизгладимое впечатление. Вера Каралли вглядывается в меня, словно старается вспомнить...

— Вы Лиепа?

— Да...

— Я уже видела вас несколько лет назад, когда Большой балет был в Вене. Тоже в "Жизели". Это был незабываемый, неповторимый спектакль. Потрясающий спектакль! Мы потом долго говорили о вас с вашим земляком Харием Плущисом. Он тоже теперь преподает в Вене...

И вдруг неожиданно добавляет:

— Пожалуйста, приходите ко мне в гости! Пожалуйста!

Ситуация довольно щекотливая. Все участники спектакля стоят вокруг Веры Каралли, а она приглашает одного меня...

— И друзей с собой берите! Приходите все! Вы же можете, правда? Это ведь не запрещено? Вы все такие чудесные! Я так горжусь, что и сама когда-то танцевала в Большом...

Через пару дней мы сошлись и пришли к ней в гости — Плисецкая, Бессмертнова, Григорович, я, другие танцовщики. Это был чудесный вечер, соединяющий прошлое и настоящее.

Около полуночи вернулись в гостиницу. У меня в номере раздается телефонный звонок.

— Марис, если бы вы знали, какое несчастье! Я ведь забыла устроить всех вас свежей клубничкой! Я знаю, что в это время года ее еще не бывает в России. Купила, положила в холодильник и — забыла! Что теперь делать? Приходите завтра на клубнику!

Но на следующий день все оказались занятыми. Пошел я один. Мы ели клубнику, говорили о "Жизели", о работе балетного артиста в былые и нынешние времена, о балете Большого театра. Так мы подружились. Начали переписываться. Причем делали это регулярно. Вера Каралли очень хотела вернуться в Россию, для нее даже уже было оставлено место в Доме ветеранов сцены. Но незадолго до отъезда почти в 90-летнем возрасте она скончалась.

Когда я встречаю имя Веры Каралли в книгах о балете, мне сразу вспоминаются ее сказочно прекрасные молодые глаза и свежая клубника в середине зимы...

Цветы и пожар

Чикаго. Заболел наш ведущий солист Николай Фадеечев, а в насыщенном гастрольном репертуаре спектакля

такли "Жизель" и "Лебединое озеро" идут в один день — утром и вечером.

Руководители поездки спрашивают меня — выдержи ли я оба спектакля?

Отвечаю довольно заносчиво: "Конечно, выдержу!" Если это не каприз худрука, а жизненная необходимость, то нет ничего невыполнимого. Во время зарубежных гастролей бываю нагружен и полнею!

Утром — Альберт. Вечером — Зигфрид. После вечернего спектакля ко мне в гримбуру заходит Леонид Лавровский, поздравляет и говорит: "Спасибо, Марис! Вот это была настоящая отдача, концентрация всех сил! Сегодня вы доказали, что действительно являетесь первым в Большом балете!"

После его слов я согласился бы танцевать и третий спектакль подряд!

Но, слава Богу, на следующий день был выходной... Поздним вечером того же дня стою у окна гостиницы и лениво потягиваюсь. Больше ни о чем не надо беспокоиться... Вдруг чувствую в номере запах гари. Вглядываюсь в окно и вижу, что из соседнего номера валит дым. Пулей вылетаю в коридор, стучу в дверь, кричу — никто не отвечает! Я разбегаюсь и плечом вышибаю дверь. Там бушует пламя, а на полу лежит человек. Без сознания. Вытаскиваю его в коридор и кидаюсь к телефону звонить дежурному. Указываю номер, но почему-то вместо слова "фае" (огонь) кричу "флауэ" (цветы)... Дежурная по отелю спокойным тоном мне объясняет: "Уважаемый мистер, извините, но в такой поздний час, увы, мы не можем вам доставить цветы". Когда же она наконец поняла, в чем дело, вскрикнула и моментально куда-то пропала...

Я же кинулся сам тушить пожар, поскольку уже началась паника: люди бежали к лифтам и на пожарную лестницу. А я наливал воду в пластмассовые корзинки, поливал мебель и занавески. Когда примкнули пожарные, им уже просто нечего было делать.

Следующим утром одна из газет дает заголовок: "Марис Лиепа тушит пожар в "Шератон-отеле"!"

«Дорогой учитель...»

Сидней. Под руководством знаменитого импресарио Майкла Эджлея проходят гастроль труппы "Звезды мирового балета". А комплектовал ансамбль звезд и помог составить программу сэр Роберт Хелпмен. Родился он в Австралии, но мировую славу (так же, как и титул сэра) получил в Английском Королевском балете. Более 50 лет назад он танцевал вместе с Анной Павловой, а сегодня появляется в балетных спектаклях в своих знаменитых характерных ролях в "Спящей красавице", "Золушке", "Копелли", "Дон Кихоте"...

Но дело не в этом. С педагогом-репетитором Лесли Эдвардсом, который должен был сопроводить труппу, произошла какая-то неприятность.

Кто же теперь будет вести все классы?

Верите или нет, но решение было единогласное — Марис Лиепа! Я вынужден подчиниться. Успокаиваю себя тем, что с известными танцовщиками мне, наверное, все-таки будет легче работать, чем с выпускниками Московского хореографического училища...

Но перед началом первого же класса вижу: некоторые танцовщики пришли, кто-то не спеша уже разогревается, кто-то болтает, а кого-то вообще нет. А ведь пора начинать! Жду еще. Немного волнуясь. Смех, шуточки — порядка никакого! Что делать: накричать, обидеться? Во-первых, мне это не свойственно, во-вторых, я не умею

"Чиполлино". Принц Лимон — М. Лиепа.

права поднимать голос, а уж тем более кричать на таких прославленных звезд из семи знаменитых балетных театров мира, как Фернандо Бухонес, Синтия Грегори, Данило Радоевич...

Я начал класс совершенно спокойно, тихо произнес первое задание. Те, кто стояли близко от меня, сразу спохватились и начали работать. Смех и разговоры затихли, как по цепочке. Класс всем понравился, и на следующий день все "мировые звезды" стояли у станка, как примерные пай-девочки и пай-мальчики. (Самыми дисциплинированными и послушными были прима-балерины Лондона и Москвы — Марго Фонтейн и Марина Кондратьева).

Теперь, после этой фантастической поездки, когда мы "99 дней танцевали верх ногами" (Южное полушарие всетаки), я получаю письма и открытки из разных стран мира, которые начинаются одинаковым обращением: "Диа ти-чер!" (Дорогой учитель!). Трогательно, правда?

Рецензия в лондонской газете

Лондон в моей биографии вообще занимает особое место. Здесь в 1963 году я дебютировал в роли Ромео. На следующее утро дрожащими руками открываю газеты. Как хорошо, что тут рецензия на спектакль не нужно ждать целый месяц (а то и два), как у нас! К тому же лондонские зрители реагируют на происходящее на сцене совершенно по-другому. Мертвая тишина в зале, никаких аплодисментов и криков "браво" во время действия или после его окончания: только в самом конце спектакля! Меня подобная традиция просто бесила!

Но все-таки оно настало — утро моих первых лондонских рецензий!

Я радуюсь, кричу, плачу от счастья, смеюсь, снова и снова перечитываю написанное: "А. Богом по-королевски одаренного латыша Мариса Лиепу с полным правом сегодня можно назвать величайшим актером среди классических танцовщиков мира."

Настоящий ученик Станиславского, он имеет выразительную сценическую внешность, страстный темперамент и осанку великого романтического актера — он являет собой тот особенно редкий феномен танцовщика, который умеет любое движение наполнить яркой эмоциональностью".

Бокал принцессы

Те, кто побывал в Англии, всегда охотно рассказывают о традициях этой консервативной страны. Я тоже рассказываю, как впервые встретился с настоящими "живыми принцессами".

Дочь королевсы принцесса Анна недавно вышла замуж. Нас, нескольких танцовщиков, привели в королевскую ложу в театре и познакомили с нею. У меня с принцессой сразу нашлась тема для разговора — я тоже недавно женился и только что у меня родился сын. "О, — сказала принцесса Анна. — Как чудесно быть замужем! Если бы я об этом догадалась немного раньше!"

А сестре королевсы принцессы Маргарет меня представили на приеме в "Креш-баре", поскольку в тот раз среди солистов я был единственным, кто разговаривал по-английски. Я подошел к ней без бокала шампанского. Она, заметив это, отдала мне свой. Окружающие ее лорды сразу забеспокоились и подали для нее высочества новый бокал. Мне показалось, что на приемах балетный артист может не беспокоиться — он умеет себя вести. Хорошо бы еще знать язык по-настоящему...

Королевская семья по традиции является любителями и мелета. А мне на память о встрече с принцессой Маргарет остался хрустальный бокал, полученный из рук принцессы, — бокал, который моя "принцесса Маргарита" уже в Москве взяла да и разбила, чтобы я им постоянно не хвастался...

Автограф для Фокиных

После "Класс-концерта" раздаю автографы поклонникам балета. И тут ко мне пробирается маленькая, очень милостивая девочка с листом бумаги в руках. Встает на цыпочки и нежно говорит: "Плиз!" (Пожалуйста!)

На листке по-русски написано:

"Я, Изabella Фокина, внучка Михаила Фокина, прошу автограф!"

Это произошло именно тогда, когда я уже мечтал о возобновлении "Видения розы" и много думал об этом балете. На глазах навернулись слезы, дыхание перехватило. Думаю: "Ах, малютка, если бы ты знала! Это не тебе, а мне самому скорее нужно упрочить у тебя автограф!"

Я нагнулся и по-английски спросил: "А где человек, который написал эту записку?" — "Вот мой папа", — ответила она и показала на мужчину, скромно стоящего в отдалении.

Так мы познакомились с Виталием Фокиным, сыном Михаила Фокина, большим знатоком всех его балетов. Он много помогал в работе над "Видением", просмотрел мое возобновление и признал его наиболее близким хореографическому оригиналу.

Но, увы, и Виталия сейчас нет в живых, и третье поколение Фокиных уже не говорит на русском языке.

Ольга Спесивцева

Из великих балерин начала XX века сегодня жива только Ольга Спесивцева. Вместе с Галиной Улановой мы навестили ее в санатории в Нью-Джерси, где живут престарелые русские эмигранты.

Она вышла встретить нас в саду; старая женщина с живыми и грустными глазами. В линии шеи, в абрисе фигуры еще угадывались та трагическая красота, которая сделала Жизель Спесивцевой легендой мирового балета. Фотографию с арабском ее Жизели из второго действия мы можем найти в любой книге по истории балета: редкая красота движений, продиктованных не разумом, а порывом души. В тридцатых годах, уже после отъезда из России, она тяжело заболела. Уже не в спектакле, а в реальной жизни Спесивцева повторила трагическую историю любви и сумасшествия Жизели. После сильнейшего нервного расстройства она долго лечилась, но на сцену так и не вернулась.

При нашей встрече со Спесивцевой присутствовал ее бывший партнер, англичанин Антон Доллин. Он помогал нам вести разговор, не касаясь каких-то запретных тем или неприятных воспоминаний. Я смотрел на женщину, перед которой преклонялись поэты, музыканты, миллионеры, на женщину, чье имя окружено сияющим ореолом славы русского балета, и с содроганием думаю: "Что остается балерине, когда жизнь так быстро и безжалостно отнимает у нее все? Кто успокаивает ее, когда тело перестает слушаться? Кто разговаривает с ней, кто понимает ее, если все сверстники уже давно ушли из жизни и она одна одиноко сидит на берегу у океана своих воспоминаний? Молодые и красивые люди проявляют к ней лишь мимолетную заинтересованность, но их интерес — краток. Их язык — чужой, и они для нее — чужие. И она поворачивается лицом к закату солнца, вспоминая те дни, когда для нее все только начиналось. Начиналось так счастливо! Вспоминает тех, ради кого стоило жить и танцевать..."

Реквием от Плисецкой

Мы гастролеровали в Америке, когда убили Роберта Кеннеди. На следующий день после его гибели был назначен концерт солистов Большого балета. Но перед началом концерта, в знак траура, вне программы Майя Плисецкая исполняет "Умиравшего лебеда" в память о Роберте Кеннеди. Лучше, чем в тот вечер, Майя не танцевала никогда. Это было феноменально! Знаменитая фокинская миниатюра прозвучала как реквием в гробовой тишине потрясенного зала. Если бы кто-нибудь догадался тогда снять на пленку этот божественный танец...

Переходящий перстень

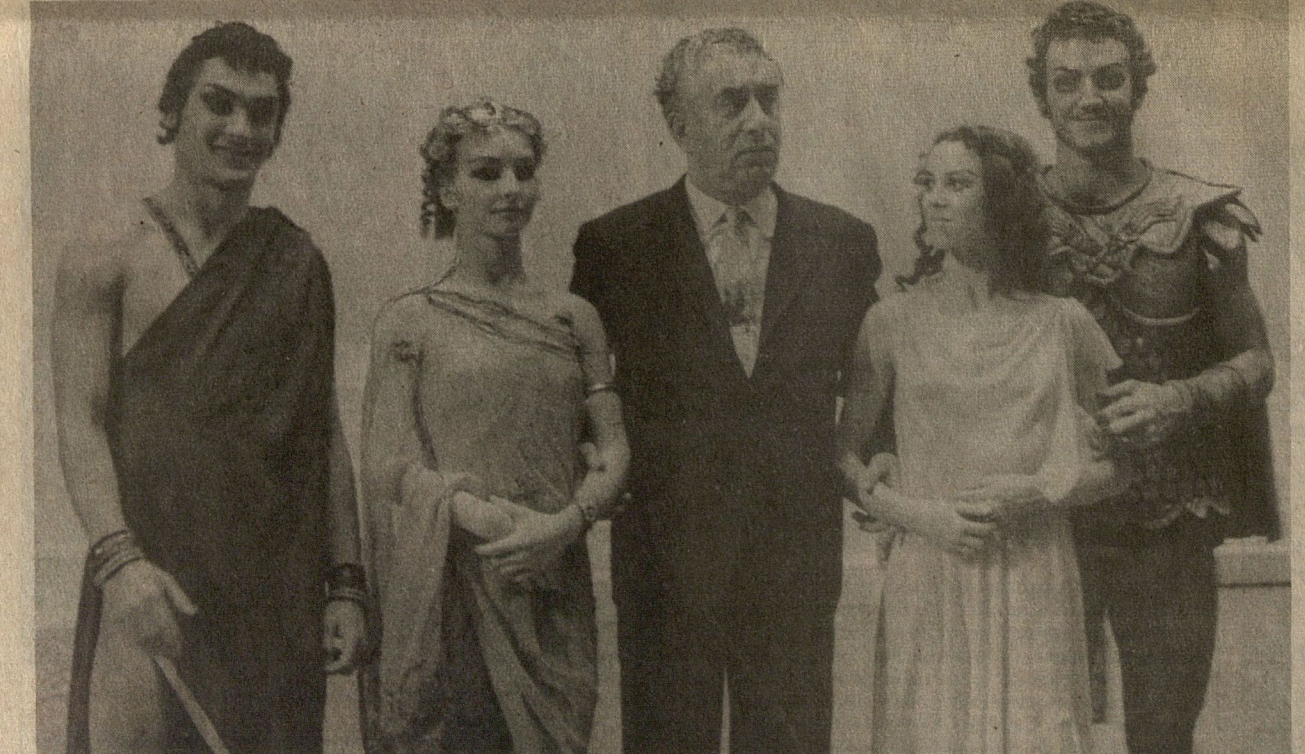
Лондон. Сэру Антону Доллину исполнилось 70 лет. Мне посчастливилось быть на этом парадном ужине в его честь. Присутствующие поднимают бокалы за здоровье лучшего танцовщика тридцатых годов, ставшего затем знаменитым балетмейстером и импресарио. Начались поздравления и тосты. Мне тоже дают слово. Поскольку все мы уже чувствуем себя дружной семьей, я позволяю маленькую вольность. Сообщаю, что у меня сегодня тоже день рождения!

Доллин удивлен, он мне не верит: "Как? Вы тоже Лев? Уже родились 27 июля?"

Тогда он снимает с пальца перстень с печатью и дарит мне, говоря: "Я сам его тоже когда-то получил в подарок, когда еще сам танцевал. Может быть, и Вы когда-нибудь отдадите этот перстень кому-то из молодых танцовщиков..."

Связь поколений — это величайшая ценность. Рядом со мной сегодня танцуют те, которые еще только учатся, но именно им предстоит танцевать в будущих десятилетиях, продолжая связь времен и поколений нашего балета...

* Ольга Спесивцева умерла в 1991 году (ред.).

После премьеры "Спартак" в постановке Л. Якобсона. Слева направо: М. Лавровский, Н. Рыженко, А. Хачатурян, М. Кондратьева и М. Лиепа. 1962 г.